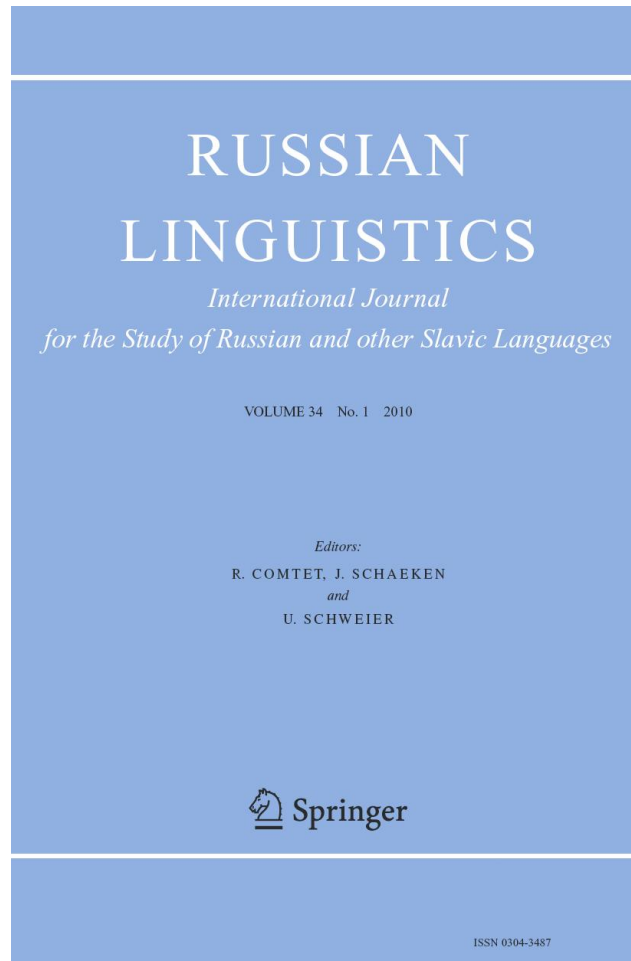

ISSN 0304-3487, Volume 34, Number 1

**This article was published in the above mentioned Springer issue.
The material, including all portions thereof, is protected by copyright;
all rights are held exclusively by Springer Science + Business Media.
The material is for personal use only;
commercial use is not permitted.
Unauthorized reproduction, transfer and/or use
may be a violation of criminal as well as civil law.**

О субъектности, объектности и ресурсах в метафорах времени

On subjectness, objectness and resources in metaphors of time

Johanna Viimaranta

Published online: 15 December 2009
© Springer Science+Business Media B.V. 2009

Аннотация Согласно когнитивной теории метафоры, метафора является одной из основных операций нашей концептуализации. В списках когнитивных метафор времени часто фигурирует метафора ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС. Данная метафора объясняет, по широко распространенному мнению, то, как человек понимает время в выражениях типа *время—деньги*, *времени достаточно* или *дать время*. Эта статья предлагает уточнить понятие времени как ресурса с помощью дополнительной когнитивной метафоры ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ и рассмотреть эту оппозицию также с помощью противоположной метафоры ВРЕМЯ—ЭТО СУБЪЕКТ.

Abstract Cognitive Metaphor Theory sees metaphor as one of the central phenomena in our conceptualization. When discussing conceptual metaphors of time, the metaphor TIME IS A RESOURCE is often mentioned. It is widely assumed that this metaphor explains how we understand time in expressions such as *время—деньги* ‘time is money’, *времени достаточно* ‘there is enough time’ or *дать время* ‘to give time’. This article aims to clarify the concept of time as a resource by distinguishing an additional cognitive metaphor, namely TIME IS AN OBJECT. In examining the contrast between these two conceptual metaphors, the opposite metaphor TIME IS A SUBJECT is also considered.

1 Введение

В настоящей статье понимание метафоры основывается на континууме западных когнитивных теорий метафоры (Lakoff and Johnson 1980, 1999). Метафоры времени рассматриваются на основе большого материала разного рода выражений (словосочетаний) из русского и финского языков. Статья описывает содержание некоторых когнитивных метафор времени и иллюстрирует их взаимоотношения с помощью схем.

Благодарю М. Луодонпя-Манни и Х. Виймаранта за полезные комментарии.

J. Viimaranta (✉)
Department of Russian Studies, University of Turku, Turku, Finland
e-mail: johanna.viimaranta@utu.fi

Особо подчеркиваются различия между концептами субъектности, объектности и ресурса, и то, как устойчивость в различении этих концептов помогает нам объективно определить границы между когнитивными метафорами. Использование схем, так же как и идея о том, что метафорические процессы являются не односторонними, усвоены из теории концептуальной интеграции (Fauconnier and Turner 1998, 2002).

Одним из основных спорных вопросов при изучении когнитивной метафоры является вопрос о том, какова роль метафорического мышления. В качестве ответа предложены разные варианты. Ученые полагают, в том числе, что мышление во многом метафорично (например, Lakoff and Johnson 1980, 6; 1999, 58), что кроме метафоры важную роль в мышлении играет метонимия (например, Barcelona 2000; Panther and Thornburg 2003) или что существуют и другие виды категоризации (см. работы Э. Рош: Rosch 1975 и сл.). В понимании метафоры мы исходим из предположения, что наше мышление о времени является по существу метафорическим. Абстрактность времени исключает возможность прямого мышления о нем. Не бывает неметафоричности, прямого значения, а лишь разные метафорические сети, которыми определяется значение. Метафора при этом связана не с фигуративностью, а с переносом значения. Кроме того, мы не считаем, что какое-нибудь одно из разных значений является первичным. Точнее говоря, так называемое конкретное, буквальное или первичное значение не имеет особого места среди разных значений, а значения, которые описываются как конкретные, первичные или буквальные, реально формируются такими же метафорическими переносами, как и все значения.

Далее, в статье предполагается, что возникновение конкретных языковых форм—морфосинтаксических единиц—не является случайным процессом, а отражает метафоричность нашего мышления. Согласно когнитивной лингвистике, значения возникают в процессе концептуализации, в которой наше знание о мире влияет на то, как мы воспринимаем язык, и, наоборот, структура нашего языка отражает наше мышление. То, как значения возникают в процессе концептуальной интеграции, считается общим явлением для всего когнитивного процесса. В данной статье употребляются схемы, которые способствуют тому, чтобы описать возникновение значения языкового выражения как динамичный процесс.

2 Цель статьи

В своей докторской диссертации (Viimaranta 2006) мы рассматривали метафоры времени. Для указанной работы мы проанализировали свыше 2000 выражений и оборотов¹ времени русского и финского языков. По результатам анализа то, каковы выражения времени, можно в обоих языках объяснить с помощью нескольких метафор: ВРЕМЯ—ЭТО ПРОСТРАНСТВО,² ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС, ВРЕМЯ—ЭТО

¹Под оборотами здесь имеется в виду то, что большая часть этих 2000 объектов анализа представляют собой не отдельные выражения, а группы выражений, в случае которых определяется, какие слова (слова с каким значением и грамматическими свойствами) могут заменить определенную часть выражения. Таким образом, в случае выражения *в каждый момент* → стрелка означает, что слово *момент* можно в данном обороте заменить и другими, а какими именно—это определяется отдельно как 'измеряемые единицы времени'.

Полный список проанализированных выражений и оборотов вместе с категоризациями можно найти в Viimaranta (2006).

²Согласно традиции когнитивной теории метафоры названия когнитивных метафор пишутся либо целиком прописными буквами (или с *SMALL CAPS*), либо каждое слово с прописной буквы. По-английски

СУБЪЕКТ и подчиненных им метафор (так наз. подметафор). Метафора ВРЕМЯ—ЭТО ПРОСТРАНСТВО имеет подтипы: ВРЕМЯ—ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ (*в зрелости*), ВРЕМЯ—ЭТО ВРЕМЕННАЯ ОСЬ (*в настоящее время*), ВРЕМЯ ИДЕТ К БУДУЩЕМУ (*в первое время*), ВРЕМЯ ИДЕТ К ПРОШЛОМУ (*в прежнее время*) и ВРЕМЯ—ЭТО ЦИКЛ (*по осени*). Метафора ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС (*время исчерпано*) имеет подметафору ВРЕМЯ—ЭТО СУБСТАНЦИЯ (*круглые сутки*). Результаты анализа доказали, в первую очередь, что теория метафоры может объяснить такие факты, которые без ее помощи остались бы случайными нерегулярностями языка. Более конкретно с помощью определения содержания разных действующих метафор времени объясняется то, какие падежи и предлоги (конструкции) употребляются в выражениях времени и какие слова с другими значениями (кроме чисто временного) встречаются в них. В анализе допускалась возможность двух разных метафор при одном и том же выражении (обе были указаны в таблицах и фигурировали в анализах), и обсуждались также закономерности этих комбинаций метафор.

Во время работы над диссертацией мы считали, что достаточно различать метафоры ВРЕМЯ—ЭТО СУБЪЕКТ и ее противоположное—ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС. Однако, благодаря комментариям, полученным после публикации диссертации (Viimaranta 2006), стало ясно, что для того чтобы целиком и систематически объяснить эти метафоры, надо бы, на самом деле, разделить метафору ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС на метафоры ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС и ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ. Метафоры ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ не было среди изученных в диссертации метафор времени. Таким образом, данная статья является уточнением обсуждения этих центральных аспектов времени. Нашей целью является убедить читателя в полезности или даже необходимости когнитивных метафор ресурса, объекта и субъекта при описании выражений времени в русском языке.

3 Методология

Обсуждаемый в этой статье анализ реализован следующим образом: Из более раннего, собранного нами для диссертации материала, насчитывающего более 2000 выражений, были переанализированы те выражения, которые раньше были интерпретированы (в качестве первой или второй метафоры) как репрезентанты когнитивных метафор ВРЕМЯ—ЭТО СУБЪЕКТ или ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС (или ВРЕМЯ—ЭТО ВЕЩЕСТВО). Таких случаев в нашем материале всего 1083 (573 из финского и 510 из русского языка). Целью анализа было уточнить те критерии, по которым можно отличать друг от друга языковые репрезентанты этих когнитивных метафор. Материал исследования сохраняется в базе данных *Access*, и данная программа помогает нам и в конкретном анализе, и в классификации. Представленные в этой статье примеры выбраны из материала случайно, но для удобства читателя почти исключительно из русского языка.

Методологически наше исследование исходит из того, что свойства разных метафор можно исследовать и различать эти метафоры с помощью анализа таких их

между частями метафоры имеется слово *IS*, а этому соответствует, лучше всего, употребление русского слова *ЭТО* с тире. Мы подчеркиваем, что названия когнитивных метафор не являются выражениями или конструкциями какого-нибудь конкретного языка. Названия концептуальных метафор описывают концептуализации и, таким образом, объясняют, почему конкретные языковые выражения таковы, как они есть. Конкретные языковые выражения выделены в этой статье курсивом.

свойств, которые, с одной стороны, соединяют метафоры друг с другом и, с другой стороны, отличают их друг от друга. Эти признаки определяются в соответствии с традицией теории концептуальной интеграции, которая касается не только метафор, но и других типов концептуального смешивания (Fauconnier and Turner 1998, 2002). Кроме того, используется понятие актантных ролей в соответствии с интерпретацией этого термина у И. Мельчука (Mel'čuk 2004a, 2004b).

Мы употребляем схемы для того, чтобы концепты, части метафор, можно было описать так, чтобы было выявлено их содержание. Те слова, которые употребляются для того, чтобы описать содержание метафоры, тоже не являются просто словами, а концептами. Это означает, что когда метафора описывается, то описание должно быть однозначным, чтобы все понимали данные описания одинаково. Употребление схем иллюстрирует те признаки, которые, по нашему анализу, являются частями данной метафорической концептуализации.

Далее рассмотрим когнитивные метафоры ресурса, объекта и субъекта и соответствующие концепты. Начнем с концептуализации времени как ресурса.

4 ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС

Метафора ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС, в которой целью (*target*) является ресурс (то есть, в которой какое-либо другое понятие понимается с помощью понятия ресурса), широко обсуждается в литературе о метафорах времени, см. в частности, Lakoff and Johnson (1980, 7–9, 65–66; 1999, 161–166) и Lakoff (1987, 210). Видеть время как ресурс означает, что оно ограничено количественно, и из-за этого им надо как можно лучше воспользоваться, оно ценно. Кроме времени, метафорически ресурсом можно считать, во всяком случае, рабочую силу, язык и идеи (идеологию), внимание, знания и обучение. Они все по существу таковы, что на конкретном уровне трудно их иметь или ими владеть, но они концептуализируются как ресурсы—что-нибудь такое, чего хотелось бы иметь как можно больше, потому что большое количество такого вещества или объекта облегчает жизнь или приносит пользу. Говорим, например, о *кадровом потенциале*, о том *какие идеи есть у людей*, что *кто-нибудь уделяет все свое внимание чему-л.*, и что *надо получить хорошее образование*. Что касается времени, метафора ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС означает, что временем можно и надо воспользоваться, и оно не вернется после употребления. Например, *время истекло*, *время потрачено попусту*, *беречь время*, *выделить время*, *потерянное время*. У нас могут остаться воспоминания о количестве и качестве времени, но само время-ресурс не вернется. Например, *время найдется*, *время исчерпано*, *выделить время*. Тем не менее, у человека в его распоряжении есть в каждый момент определенное количество времени-ресурса. Таким образом, он, с одной стороны, должен воспользоваться каждым моментом, но, с другой стороны, получает всегда и новые моменты, часы и так далее. Из-за этого, хотя человек и видит время как ресурс, не все употребляемые человеком выражения времени являются репрезентантами такой концептуализации. Поскольку всегда можно получить, и даже автоматически, дополнительное время для употребления, то не всегда нужно считать время ресурсом. Понятие ресурса ведь проблематично тем, что оно предполагает, что время как объект имеет ограниченность и ценность, то есть оно труднодоступно. Такая интерпретация сущности времени может вполне соответствовать тому, как его воспринимают в современном мире. Она, однако, не обязательно отражает все случаи, в которых время—предмет

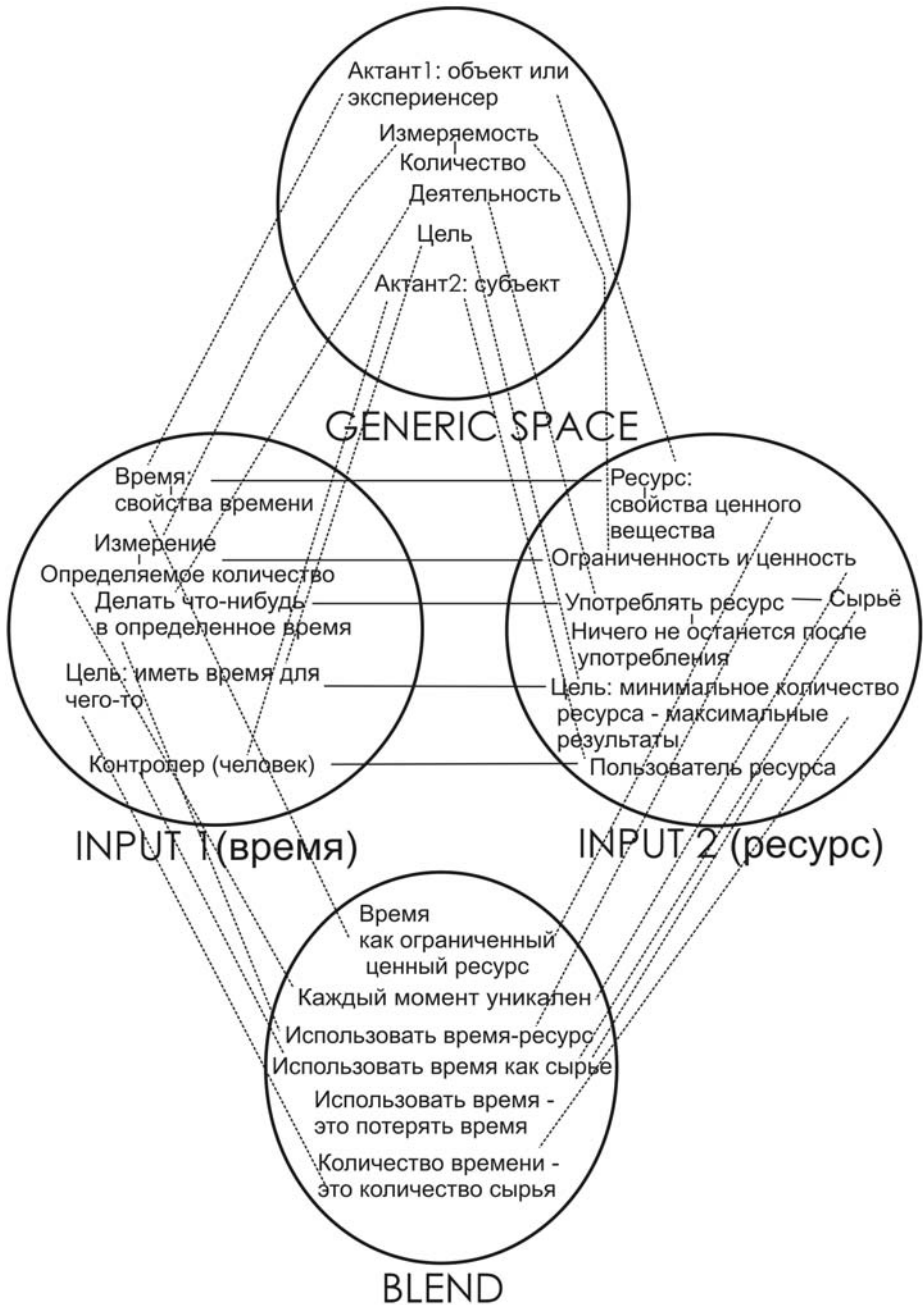

Схема 1 ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС

или объект. Понять и допустить эти связанные со временем обстоятельства необходимо для того, чтобы дальше исследовать характер времени-объекта таким, каким он нам представляется в языке.

Смотрите Схему 1, описывающую содержание метафоры ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС. Согласно традициям употребления схем в теории концептуальной интеграции, так наз. *blending* (Fauconnier and Turner 1998, 2002), области метафоры рассматриваются как разные источники, которые из-за своих общих характеристик создают новое целое. В данной схеме время является первым входным пространством (*input space*), а ресурс—вторым входным пространством. Они имеют некоторые общие признаки, которые способствуют возникновению концептуальной смеси. Эти общие признаки описаны в родовом пространстве (*generic space*). Результат концептуальной интеграции—выходное смешанное пространство (*blend*), в котором время понимается с помощью соединения его общих признаков с признаками ресурса. Таким образом, нельзя просто сказать, что источником метафоры был ресурс и ее целью—время. Их взаимосвязи более сложны. Важно отметить, что концептуальная интеграция является всегда частичной, то есть в смешивании участвуют не все свойства разных входных пространств, а только общие признаки, которые описаны в родовом пространстве. Употребление схем как раз и позволяет нам описать те общие свойства, благодаря которым данное смешивание возможно. В Схеме 1 представляем свойства времени и ресурса в том виде, в каком они, по нашему предположению, работают в нашем сознании, создавая метафору ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС. Общими свойствами времени и ресурса (то, что делает возможным их смешивание), являются, во-первых, то, как действуют два актанта—один в роли объекта или экспериенсера, а другой—в роли субъекта. Во-вторых, когда время понимается как ресурс, оно представляет нечто измеряемое и его количество ограничено (и поэтому оно ценно). То, как время употребляется с определенной целью, понимается как использование ресурса (сырья), после которого ничего не останется. Если учитывать то, с какой целью происходят действия, то целью является возможность иметь время для чего-то. Однако если добавить туда свойства ресурса, получится смесь, в которой временем надо воспользоваться, причем таким образом, чтобы его потратить как можно меньше, а результаты этого использования были бы как можно более значительными, то есть чтобы человек не тратил время (ценное вещество или сырье) попусту.

В последующем сделаем еще один шаг вперед и рассмотрим некоторые случаи, которые мы в Viimaranta (2006) считали репрезентантами метафоры ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС. Такое истолкование было во многом связано с той традицией, в которой главной метафорой времени считалось как раз ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС. Поднимем вопрос, действительно ли самой естественной интерпретацией во всех этих случаях является именно ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС, не лучше ли их считать репрезентантами метафоры ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ. Мы считаем, что при анализе того, как время видится ресурсом, это понимание времени предполагалось слишком широким и тогда игнорировались похожие, но не совсем одинаковые с его ресурсным характером черты времени.

5 Время как ресурс или объект—сопоставление

Как было уже упомянуто, в настоящей статье новому анализу подвергнуты, в том числе, те выражения, которые в нашей диссертации были рассмотрены как языковые репрезентанты метафоры ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС или подчиненной ей метафоры ВРЕМЯ—ЭТО СУБСТАНЦИЯ (либо как первая, либо как вторая метафора). Их было всего 478 (231 из русского и 247 из финского языка). Целью анализа было выяснить, возможно ли различить метафоры ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС и ВРЕМЯ—ЭТО

ОБЪЕКТ, какие свойства отличают данные когнитивные метафоры друг от друга, и каково их отношение к метафоре ВРЕМЯ—ЭТО СУБЪЕКТ, которая является прямо противоположной метафоре ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ. После пересмотра материала можно констатировать, что более общей, центральной из метафор ресурса и объекта является ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ, а метафора ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС всего лишь его подтип. Это связано с тем, что ресурс всегда имеет свойство объекта, но не обязательно наоборот. Свойства ресурса те же, что и свойства объекта, плюс дополнительные свойства, которых у метафоры ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ нет. Точнее, свойства времени-ресурса—это не только то, что человек способен на него влиять, но и драгоценность и ограниченность. Понятие объекта представляет собой полную противоположность понятию субъекта. Ресурс такой противоположностью не является.

Если метафорой является ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ, то в этом случае время не является ресурсом. Что касается ресурса, то подразумевается, что он, безусловно, должен быть объектом, потому что сущность ресурса в том, что он вещественный, что он объект. Однако, чтобы быть ресурсом, время должно, кроме этого, быть таким объектом, количество которого ограничено и имеет значение. Быть объектом само по себе предполагает только возможность влияния. То, что человек может влиять на время (употреблять его и пытаться манипулировать им), необязательно означает, что он понимает его как ресурс, что ресурс имеет в его сознании общие со временем свойства.

Ресурс является объектом такого типа, которым можно пользоваться в качестве сырья. Это означает, что временем-ресурсом можно пользоваться только таким образом, что в этом процессе он исчезнет навсегда. Поэтому в случае ресурса важно то, сколько имеется времени, и что им надо бы воспользоваться как можно лучше. Временем-объектом, в свою очередь, пользуются так, что происходит манипуляция, которая необязательно ведет к тому, что время исчезнет, оно может и просто видоизмениться. Метафора ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ превращает абстрактное время в конкретное существо или вещество. Проиллюстрируем это несколькими примерами.

Выражения *времени достаточно*, *в считанные часы*, *взять на время* и *выбрать время* в нашем анализе репрезентанты метафоры ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС. Когда *времени достаточно*, время является ресурсом, который нужен для выполнения какой-либо задачи. В данном выражении время—это такое существо, которое имеет количество, причем нужно определенное количество времени, чтобы сделать что-нибудь. В этом репрезентанте метафоры ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС то, что о времени можно говорить в терминах достаточности, означает, что время подвергается данной метафоре, его понимают сквозь призму данной метафоры, и эта призма объясняется здесь с помощью схем концептуальной интеграции. Данная концептуализация заметна не только в смысловом плане выражения *времени достаточно*, а также в том, как оно построено морфологически—время-объект действует в нем грамматически как вещественное существительное. В выражении *в считанные часы* те часы, которые мы считаем, являются единицами ограниченного времени-ресурса. Опять-таки то, что часы являются объектом манипуляции (их можно считать и их считают), влияет на то, как ими можно пользоваться. То, что их считают, намекает на необходимость быть в курсе об их количестве.

Взять на время и *выбрать время* являются репрезентантами метафоры ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС потому, что в них время имеет значение ограниченного отрезка, которым пользуются в качестве сырья для выполнения определенной цели. Время в этих выражениях не является отрезком, в которое нужно вместить что-либо (такие случаи

являются в нашей классификации случаями метафоры ВРЕМЯ—ЭТО ВРЕМЕННАЯ ОСЬ), или вместилищем, в котором время находится (ВРЕМЯ—ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ), а оно представляет собой ресурс.

Самые простые случаи когнитивной метафоры ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ—это те выражения, в которых либо комментируется количество времени, либо проявляется явное желание оказать влияние на время. Например: *выиграть время, летосчисление, отнять время, планировать время*.³ В этой когнитивной метафоре время понимается как объект манипуляции. В случае *выиграть время* то, что делается со временем, связано с желанием манипулировать его количеством. Соответственно, то, что существует понятие *летосчисление*, намекает не на уникальность каждого года как ресурса, а в этом случае важны количество и порядок годов. А в случае *отнять время* (например, в предложении *работа отняла много времени*) манипуляция временем происходит таким образом, что время не вернется к человеку, оно исчезает навсегда.

Чтобы различие между когнитивными метафорами ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС и ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ не осталось только на уровне этих двух слов (*ресурс, объект*) и их коннотаций (необязательно связанных с теми концептами, которые мы имеем в виду), проиллюстрируем их характеристики с помощью схем. В Схемат 1 и 2 изображена концептуальная интеграция этих метафор, и, сравнивая их, можно заметить и похожие, и разные аспекты. Если в случае метафоры ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС время является сырьем, которое употребляется, то метафора ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ рассматривает употребление времени лишь как один из видов манипуляции им. В Схеме 2 ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ в первом входном пространстве проиллюстрированы свойства времени, а во втором входном пространстве—свойства объекта манипуляции. Метафора, которая образуется, когда установлены связи между этими пространствами, видит время как объект, которым можно манипулировать, но которое необязательно является ограниченным и ценным. Объектом, в отличие от ресурса, пользуются так, что он видоизменяется. Человек контролирует то, как видоизменяется время, а время видится как конкретный или вещественный объект.

6 ВРЕМЯ—ЭТО СУБЪЕКТ

Представление времени как субъекта (или актанта субъектного типа) противоположно представлению его как объекта. Время как субъект имеет способность действовать, и, кроме того, оно имеет собственную волю. Оно готово оказывать влияние на жизнь человека или на процессы природы. Такую концептуализацию времени находим в выражениях *время диктует (что-л.), время покажет, годы мои вышли, время возьмет свое*. Эта концептуализация представляет время как активно действующего деятеля, как субъект. А какие характеристики имеет субъектность на общем уровне? Действие субъекта должно быть намеренным. Намеренность—это то же самое, что возможность выбора: действовать или не действовать. И то и другое имеет определенные последствия. Что касается времени, то если есть прогресс во времени,—то

³ Далее, в Viimaranta (2006) мы нашли метафору ВРЕМЯ—ЭТО СУЩЕСТВО, которая является подтипом метафоры ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС. Понимать время как вещество означает признать, что время понимают как что-то вещественное, но без того, чтобы предполагать ограниченность и ценность этого вещества. Здесь мы не принимаем во внимание данной разницы, потому что она не важна для того, чтобы определять отношения между объектом и ресурсом.

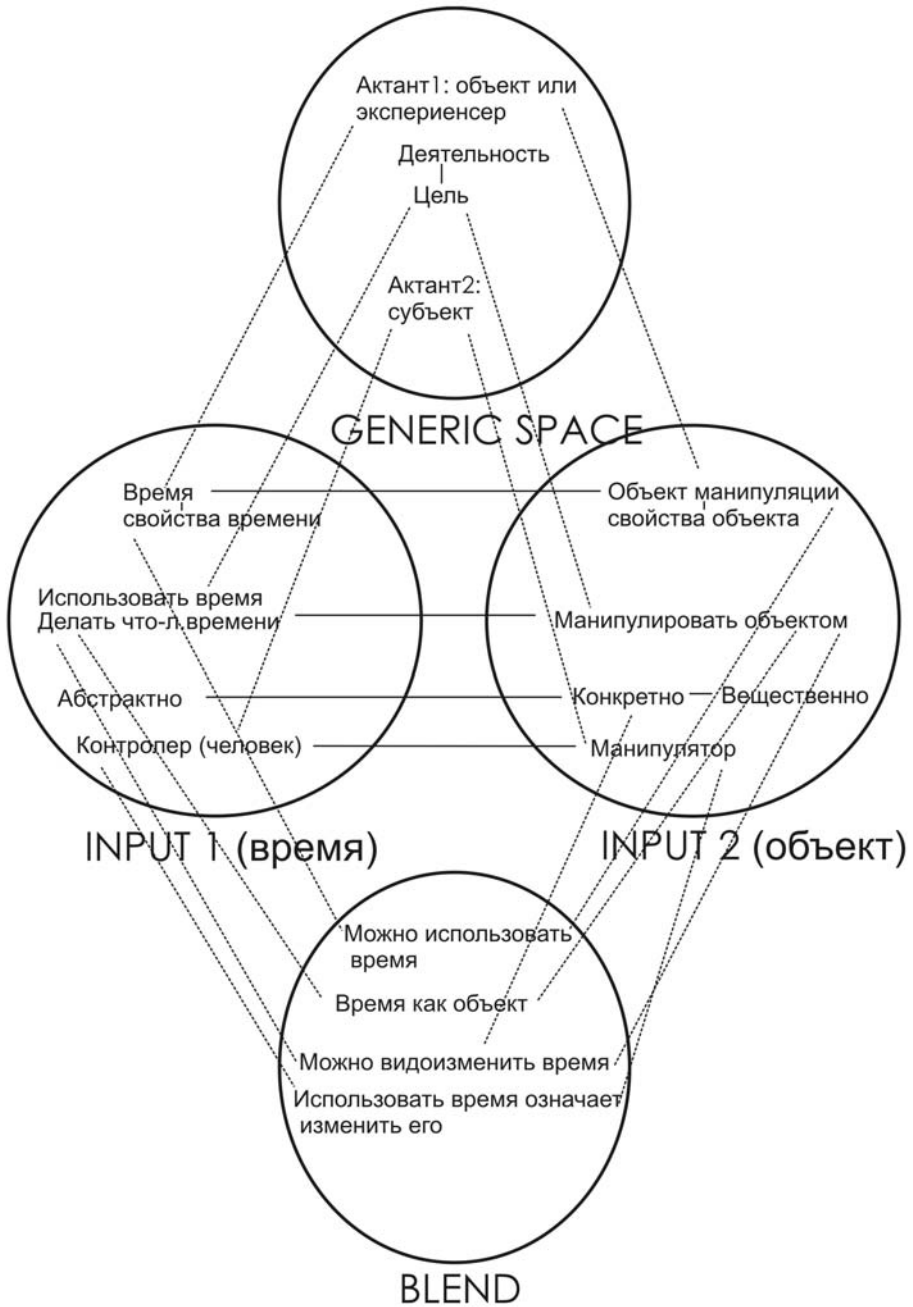

Схема 2 ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ

есть, когда время идет вперед, когда время является фоном, на котором происходят разные действия и процессы в последовательности,—то тогда же происходят и изменения.⁴

Наш язык, и, следовательно, наше мышление—или, в обратном порядке, наше мышление, а благодаря ему и наш язык—понимают время как субъектный актант. Субъектность времени включает в себя намеренность. Время действует в связи с собственным намерением. Эта намеренность, собственная воля—важный признак того, что время понимается как деятель такого же типа, как человек. Субъектом ведь может быть только деятель такого типа. Если деятель не имеет своей воли, если он не действует с намерением, он может быть экспериенсером, но не субъектом-агентом. Однако здесь невозможно точно различить разновидности субъектов. Главное то, что время как фон для действий существует без всякой мотивации, но когда время действует как субъект, оно имеет мотивацию, а именно желание оказать влияние на что-нибудь. Однако это не означает, что мы полагаем, что время действует намеренно точно так же, как человек. Намеренность не означает, что время конкретно планирует свои действия. На уровне языка оно действует как деятель, который способен на намеренные действия. Время-субъект не только способно на намеренные действия, оно похоже на человека и в том, что оно имеет разные черты, оно может быть разным.

Во многих случаях то, что время действует как субъект, имеет реально следующее значение: время идет вперед, и это можно интерпретировать как имеющее связь с намерениями, с тем, как время само хочет идти вперед. То, как это происходит, имеет с точки зрения человека значение, так как контроль времени над своими темпами означает, что у человека меньше возможностей влиять на то, сколько он может успеть сделать. Само по себе то, что время идет вперед, имеет то значение, что оно существует, но если оно идет каким-то особым образом, то это влияет на деятельность человека.

Все, что сказано выше, свидетельствует о том, что метафора ВРЕМЯ—ЭТО СУБЪЕКТ действительно противоположна метафоре ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ.

Схема 3 описывает сущность метафоры ВРЕМЯ—ЭТО СУБЪЕКТ. В этой схеме время является INPUTом 1, а субъект—INPUTом 2. Здесь в смешанном пространстве видим, что время понимается как нечто с намерением и способностью к разным действиям. По сравнению со Схемой 2 замечаем, что объектность и субъектность времени действительно являются противоположными концептами. Временем-объектом манипулирует человек, а время-субъект действует самостоятельно, имеет волю.

⁴Конечно, можно считать, что те разные изменения, которые происходят одновременно с тем, как время идет вперед, не обязательно имеют отношение к тому, что время идет вперед. С этим связана и идея о том, что факт движения времени вперед каузирует изменения. Возможно также такое понимание, что время и изменения связаны между собой лишь одновременностью. Однако если считать время, которое существует на фоне всех событий, таким же явлением, как и другие свойства времени, то в таком случае связь между ними нельзя рассматривать как одновременность, потому что одновременность тоже является одним из аспектов того же самого времени. Таким образом, время как фон событий—один из видов объектного времени, а такое время, которое действует само, является временем-субъектом. Например, в выражении *под вечер* (в нашей классификации под метафорой ВРЕМЯ—ЭТО НАПРАВЛЕНИЕ) время является фоном для событий, а не самостоятельным деятелем, как, например, в выражении *жизнь течет*.

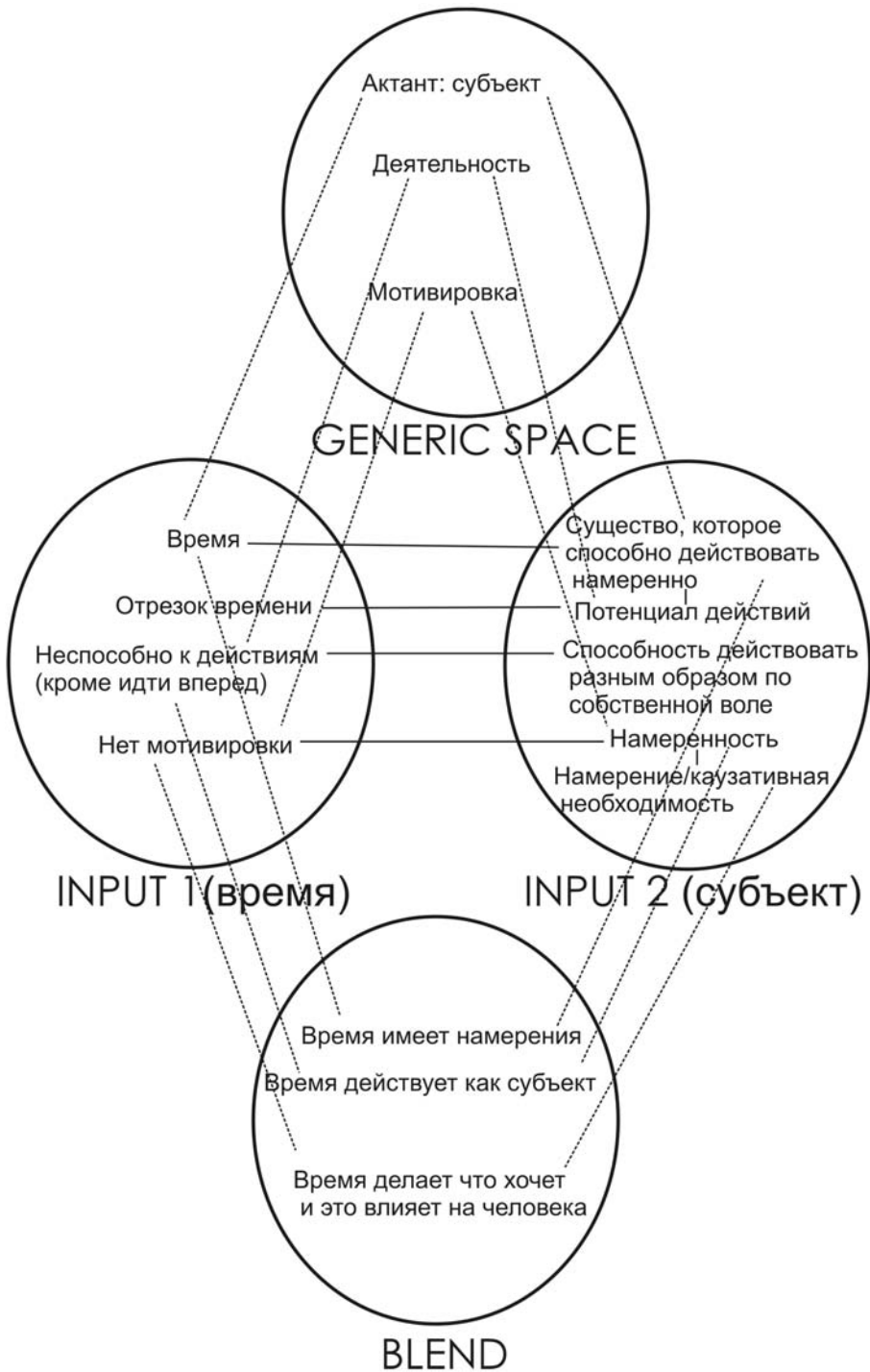

Схема 3 ВРЕМЯ—ЭТО СУБЪЕКТ

7 Дискуссия

Знаем ли мы, как время концептуализируется в нашем сознании? Неужели то, что время интерпретируется как ресурс, связано со значением выражения, а не с тем, как время в действительности концептуализируется? Может ли лингвист без ошибок различать значение и форму? Выбрав в качестве точки зрения когнитивную теорию метафоры (Lakoff and Johnson 1980, 1999), человек должен согласиться с идеей, что построение языковых форм не является случайным процессом, а отражает наше мышление и—следовательно—нашу концептуализацию. То, какие значения вкладываются в морфологические единицы, связано с тем, что считается первичным. Если полагать, что одни значения (например, связанные с местом, движением или вообще с чем-нибудь конкретным и общим для всего человечества) первичны, а другие вторичны, то уже это предположение связано не только с реальными формами, но и с обобщениями. Однако, как можно на более обобщенном уровне получить информацию о том, какой опыт является первичным и общим для всего человечества или для носителей определенного языка? Сам язык является здесь информантом, и хотя он в такой роли очень силен, его надо, однако, интерпретировать. Что первично—это зависит от того, у кого и как спрашиваешь. Возьмем, например, русское словосочетание (*понять и т.п.*) *задним числом*. В данном случае мы можем интерпретировать употребление творительного падежа как показателя инструмента, каким образом, с помощью чего что-либо делается. В такой интерпретации число—это нечто употребляемое, и как единица времени оно является, в связи с этим, деятелем в области времени. Однако, данная метафора не является единственной в данном выражении. То, что число может быть задним, т.е. иметь ориентацию, дает основание для того, чтобы увидеть в данном выражении и когнитивную метафору ориентации. Число ведь само по себе не имеет задней и передней части. То, что мы знаем о значении данного выражения, легко влияет на то, как оно определяется с точки зрения метафоричности, хотя стремимся к тому, чтобы значение рассматривалось отдельно от тех метафорических процессов, которые объясняют форму и ее возникновение.

Таким образом, точно отличать значение выражения от его формы трудно. Что касается значения всего высказывания, то надо иметь в виду, что это значение сформулировано идиоматически. Каждый элемент имеет свое значение, но значение всего высказывания иное, или, по крайней мере, не является суммой тех значений, которые имеют его элементы.

Чтобы целиком осмыслить роль метафоричности в языке, надо понять, что она работает на разных уровнях. Это морфологический, синтаксический и прагматический уровни. Предполагать метафоричность на морфологическом уровне означает, что языковые построения имеют связь с нашим мышлением. Более конкретно это означает, что то, каковы наши словоформы, сочетание падежей с предлогами и т.п., имеет значение для того, каково наше представление о мире. Это предположение является центральным в когнитивной теории метафоры. Что касается метафор времени, метафоричность на морфологическом уровне проявляется, например, в том, что в русском языке говорят *в субботу*, а в финском это же значение выражается с помощью эссива *lauantaina* (букв. ‘в качестве субботы’). Метафоричность на уровне синтаксиса не отличается от морфологической метафоричности—она основана на тех же самых тенденциях мышления, хотя традиционно и принято считать, что это отдельные области (или уровни). Примерами синтаксической когнитивной метафорой времени мы считаем, например, метафорические выражения *идти в ногу со временем* и *настали последние времена*, в которых метафора ВРЕМЯ—ЭТО

СУБЪЕКТ как раз и проявляется на уровне синтаксиса. Метафоричность на прагматическом уровне—это то, где более традиционное понимание метафоры склонно обнаружить метафору. Уровень прагматики имеет дело с тем, что выражается и как, и употребление метафоры может с этой точки зрения быть добровольным выбором. Мы можем, например, выразить примерно одно и то же выражениями *на закате дней* и *в старости*. Однако то, как мы понимаем прагматический аспект метафоры, несколько отличается от традиционного понимания, а соответствует при этом тому, как он понимается в когнитивной теории метафоры. С нашей позиции, метафоричность существует везде и на уровне прагматики. Человек не может использовать язык без того, чтобы употреблять для выражения временных отношений именно те обороты, которые имеются в его языке—независимо от того, какие коннотации могут иметь эти обороты или каково их происхождение. Соответственно, он не может говорить, например, о времени без того, чтобы пользоваться теми средствами, которые существуют в языке и, следовательно, теми метафорами, т.е. оборотами мышления, которые имеются.

Если метафоричность существует только на уровне значения, то какова польза от понятия метафоры? Нельзя ли просто считать, что значение данного выражения идиоматично? Здесь метафоричность объясняет, почему выражения именно таковы. А не надо ли в таком случае делать выводы только на основе форм? Иногда это возможно, но в разной степени в зависимости от метафор. Метафора ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС основывается фактически целиком на тех семантических фактах, которые мы знаем о других, более конкретных ресурсах. Таким же образом метафоры ВРЕМЯ—ЭТО СУБЪЕКТ и ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ основываются на том, что мы знаем о субъектах и объектах. В общем, наша мотивация говорить о времени предполагает те свойства, которые предоставляют разные метафоры.

Определить взаимоотношения между разными когнитивными метафорами представляется нелегким заданием. Это связано (1) с проблемой контекста, (2) с тем, что разные метафоры могут существовать в одних и тех же выражениях, и (3) с проблемой логичности. Проблема выбора когнитивной схемы часто связана с контекстом, или, вернее, с тем, что выражения рассматриваются вне контекста. Мы считаем, однако, что рассматривать такие выражения вне контекста обоснованно, потому что каждое выражение имеет значение, которое можно описать и метафорическую базу которого можно определить. Те случаи, в которых контекст сильно изменяет значение, должны, по нашему мнению, объясняться тем, что речь идет о разных выражениях, которые должны быть рассмотрены отдельно как с точки зрения их значения, так и относительно метафоричности. Сказанное не означает, что значения этих выражений не могут быть связаны между собой.

Вторая проблема при определении когнитивных метафор заключается в том, что разные концептуальные метафоры могут быть обнаружены даже в одних и тех же выражениях. В случае времени его абстрактность влияет на то, как многосторонне оно концептуализируется. Разные метафоры, которые связаны со временем, могут казаться нелогичными, если сравнивать их друг с другом, то есть, они несовместимы и не составляют какого-либо единого целого, а наоборот, проявляют разные аспекты в том, как мы концептуализируем время. Разные метафоры времени даже комбинируются разным образом, см. Viimaranta (2006).

Может даже случиться, что одновременно существуют метафоры, которые можно интерпретировать как противоположные. Комбинация с метафорами ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС и ВРЕМЯ—ЭТО СУБЪЕКТ встречается в таких случаях, как финское выражение *aika alkaa käydä vähiin* ‘времени становится мало’, букв. ‘время начинает

становиться в немногие'. В этом выражении время является ресурсом в том смысле, что все высказывание свидетельствует о том, что времени мало для чего-нибудь (или его становится мало). Одновременно время является здесь и актантом, потому что оно имеет способность контролировать процесс своего уменьшения. Означает ли все это, что наше мышление нелогично? Или любой анализ случаен?

В-третьих, вопрос о том, насколько логично действует язык, абсолютно не плодотворен. Язык остается таким, как есть, как бы мы ни пытались его упорядочить. Кроме того, язык отражает те нелогичные понятия, на которых во многом основано наше мышление до сего дня. Характер нашего мышления метафорический и таким останется. Безошибочность анализа, в первую очередь, является результатом правильного выбора уровня различных метафор, которые часто подчинены друг другу. Кроме этого, достоверный анализ предполагает более строгие определения разных когнитивных метафор, чем до сих пор.

Признаем, что любой анализ когнитивных метафор субъективен в том смысле, что другой исследователь мог бы интерпретировать тот же материал другим образом. Однако если анализ основан на языковом материале и данный материал доступен и для других, то возможность разных толкований не уменьшает ценности анализа, а лишь подчеркивает значение устойчивости в интерпретации и разъяснении тех признаков, на которых был основан анализ.

8 Выводы

Нужно ли различать метафоры ВРЕМЯ—ЭТО РЕСУРС и ВРЕМЯ—ЭТО ОБЪЕКТ? Считаем ли мы действительно время и субъектом, и ресурсом, и объектом? Ответ на эти вопросы на основе нашего материала будет безусловно утвердительным. На основе изученного материала время действительно концептуализируется этими (и не только этими) метафорами, и эта концептуализация отражается в нашем языке.

В виде схем концептуальной интеграции было представлено предлагаемое нами истолкование тех признаков, которые являются центральными в данных метафорах времени. Такими признаками являются роли времени и человека, намеренность и цель действия, измеряемость, конкретность и абстрактность, ценность и уникальность ресурса. Еще более подробный анализ этих и других когнитивных метафор и именно тех свойств, которые отличают их друг от друга—задача будущих исследований. Достойны внимания также те закономерности, согласно которым данные метафоры комбинируются. Тем не менее, само время, скорее всего, навсегда останется загадкой.

Литература

- Barcelona, A. (Ed.) (2000). *Metaphor and metonymy at the crossroads. A cognitive perspective* (Topics in English Linguistics, 30). Berlin.
- Fauconnier, G., & Turner, M. (1998). Conceptual integration networks. *Cognitive Science*, 22(2), 133–187.
- Fauconnier, G., & Turner, M. (2002). *The way we think. Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York.
- Lakoff, G. (1987). *Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind*. Chicago.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1999). *Philosophy in the flesh. The embodied mind and its challenge to Western thought*. New York.
- Mel'čuk, I. (2004a). Actants in semantics and syntax I: actants in semantics. *Linguistics*, 42(1), 1–66.
- Mel'čuk, I. (2004b). Actants in semantics and syntax II: actants in syntax. *Linguistics*, 42(2), 247–291.

- Panther, K.-U., & Thornburg, L. L. (Eds.) (2003). *Metonymy and pragmatic inferencing* (Pragmatics & Beyond. New Series, 113). Amsterdam.
- Rosch, E. (1975). Cognitive representations of semantic categories. *Journal of Experimental Psychology: General*, 104(3), 192–233.
- Viimaranta, J. (2006). *Talking about time in Russian and Finnish* (Slavica Helsingiensia, 29). Helsinki. <http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/hum/slavi/vk/viimaranta/>. Accessed 29 Oct 2009.